

НЕПРОТОКОЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

О том, как я выступал на юбилее Е.А. Исаева

2 мая 2011 года Егору Александровичу Исаеву исполнялось 85 лет.

Широко отмечать юбилей в этот день в Воронеже поэт не планировал: не отпустили столичные торжества. Ограничился практически однодневной поездкой на родину для участия в весьма лестной затее местных властей. В преддверии даты правительство Воронежской области спешно утвердило литературную премию для молодых поэтов, назвав ее соответственно — Исаевской. Замысел состоял в том, чтобы именитый земляк вместе с тогдашним губернатором А.В. Гордеевым должны были лично вручить диплом новой премии лауреату. Им по оценке конкурсной комиссии стал молодой поэт Алексей Ряскин. Событие было пышным, проходило в зале заседаний правительства. Остальные почести и юбилейные встречи переносились на июнь.

И вот звонят из департамента культуры: завтра надо выступить от коллектива журнала «Подъём» на встрече с Е.А. Исаевым в областной библиотеке имени И.С. Никитина.

Мои мысли заработали в экстремальном режиме: что говорить и о чем. Исаев — человек яркий, неординарный, удивить его практически невозможно, а говорить банальности крайне не хотелось. Как и повторяться, впрочем. Дело в том, что у меня есть стихи про Коршево — малую родину Егора Александровича, и я их уже дважды читал в исаевской аудитории.

Первый раз — в подмосковной Сходне в мае 2006 года. Туда нас с руководителем управления культуры области И.Д. Образцовым отправили по поручению губернатора области В.Г. Кулакова, чтобы представлять Воронежскую область на торжественном собрании по случаю 80-летия Е.А. Исаева. Почти весь путь от Воронежа до Москвы в микроавтобусе «Фольксваген» наскоро писал текст короткого поздравительного выступления и заучивал стихи, которыми оно, по моей задумке, должно завершиться:

А где оно, это Коршево?
А там, где весной Битюг
Несет ледяное крошево —
Творение зимних вьюг.

То ершики, то карасики
Резвятся в волне речной.
Девчонки играют в «классики»
На солнышке за избой.

Мальчишки знакомой тропкою
Спускаются на улов...
Даль памяти — над пригорками!
Суд памяти — от крестов!

Воткнув посредине улицы
Для коз деревянный штырь,
Весна, от света сощурившись,
Выходит в степную ширь.

Играйте, девчонки, в «классики»!
Мальчишки, готовьте сеть!..
Тут раньше рождались классики,
А хочется, чтоб и впредь.

В актовом зале академии по очереди речь перед юбиляром тогда держали знатные люди: политики В.И. Воротников и Г.А. Зюганов, известные российские литераторы, включая Ю.В. Бондарева, несколько академиков...

Когда очередь дошла до земляков Егора Александровича, свое слово со сцены актового зала я произнес, помнится, без запинки и с выражением. Следом говорил Иван Образцов. В эти мгновения из рядов несколько раз донеслось: «Ваня!.. Щелоков!» Этот был московский поэт Михаил Шевченко, наш земляк, уроженец Россоши. Мне было крайне неловко от такого вероломства в протокольный лад, и я по возможности незаметно жестом руки подавал Михаилу Федоровичу знаки — потом поговорим. Но тот, видимо, не понимал их или не хотел соблюдать официальные тонкости, и снова по залу летело: «Щелоков!.. Ваня-я!..»

На фурушет притомленный двухчасовым ораторством народ повалил, устроив у входа чуть ли не давку. В дверном проеме кто-то сильно хлопнул меня по плечу. Оборачиваюсь — Геннадий Андреевич Зюганов. «Молодец! — говорит он мне. — Хорошо выступил».

За праздничным обедом воронежцы оказались за одним столом в компании Юрия Бондарева с супругой и издателем двухтомного собрания сочинений Е.А. Исаева Владимиром Александровичем Лебедевым...

— Посмотри, какие живые глаза у него! — несколько раз окликал жену именитый прозаик и показывал на меня.

Нежданное знакомство с советским классиком не окончилось застольным общением. Через три с половиной года меня направили работать в журнал «Подъём». Раза два как главный редактор я звонил Ю.В. Бондареву домой по поводу продолжения публикации его философских записей «Мгновения». А в декабре 2010 года через наш журнал мы переводили деньги писателю за звание лауреата всероссийской Платоновской премии, которую учредили на воронежской земле газета «Коммуна» и Союз писателей России. Последнее мое телефонное общение с Юрием Васильевичем Бондаревым как раз и касалось денежного перевода...

Второй раз стихи, посвященные Исаеву, я читал уже в коршевском Доме культуры в июне того же 2006 года. На малой родине было устроено грандиозное чествование земляка. Приехали губернатор и многие высокопоставленные чиновники из области. Чтение мною стихов о селе Коршево организаторы внесли заранее в сценарий. А у меня накануне, как назло, голос пропал. Дни для июня стояли на редкость жаркие, попил ледяной минералки, и мое с детства неустойчивое к холодным молочным продуктам и газированным напиткам горло мгновенно дало о себе знать. Ну, куда мне с такой сипотой да еще со стихами! Подошел к замести-

Егор Исаев на 80-летию журнала «Подъём». 2011 г.

телю губернатора, объясняю, но кому из подчиненных нужны на голову лишние хлопоты: «Это ты решаешь с шефом — он лично одобрил сценарий и выступающих». Улучив момент, прошу В.Г. Кулакова. «Ничего страшного, — улыбается. — Читай, Егору Александровичу и коршевцам будет приятно».

Ожидая выхода на сцену, лихорадочно придумывал «режиссерский» ход, чтобы максимально скрасить конфуз с отсутствующим голосом. «У меня есть три повода считать себя человеком, своим для бобровцев и коршевцев, — обратился в зал. — Мой отец в 60-е годы в селе Красный Лог дружил с участковым, а милиционер был родом из Коршева. Звали его Владимир Колотушкин. Егор Александрович говорит, что помнит его... Бревна, из которых построен наш дом, отец привез из Бобровского лесничества. Ну и, наконец, мой зять родом из Боброва». Селяне дружно зааплодировали. Доволен был и сам юбиляр. Под такое доброжелательное расположение аудитории я и просипел стихотворное посвящение...

И вот через пять лет, в очередную заметную дату Е.А. Исаева, и опять читать стихи о Коршеве! Наверное, глупей не придумаешь. Этот вариант выступления я начисто отменил. Долго и мучительно фантазировал на тему предстоящего выступления. И только поздно вечером неожиданно меня осенило: что если поразмышлять на тему сенокоса в классической русской поэзии?! Примеров много не нужно. Достаточно сравнить строчки из произведений поэтов, чья творческая судьба связана с Воронежским краем. Остановился всего на трех именах — Алексее Кольцове, Александре Твардовском и Егоре Исаеве. Идея мне показалась необычной для юбилейного формата и наверняка приглянется Егору Александровичу: не прямая лесть, не очередное признание в любви к творчеству, а через сравнение и анализ в контексте выбранной темы.

В актовом зале Никитинской библиотеки народу набилось битком. На сцене, как в достославные советские времена, несколько столов, накрытых скатертью. В президиуме — сановные люди во главе с руководителем департамента (бывшего управления) культуры Иваном Образцовым.

Доходит очередь говорить и мне. Выхожу за трибуну, кладу перед собой написанные листы, начинаю формулировать цель своего краткого выступления. Исаев напрягся и с любопытством смотрит из президиума на меня. Дохожу до отрыв-

ка про сенокос из его поэмы «Даль памяти». Читаю по возможности с выражением и смысловыми интонациями. И вдруг Егор Александрович вскакивает и громко говорит в зал:

— Я человек непротокольный. Я тут не знаю, как и что у вас. Щелоков прочитал мои строчки, теперь я хочу сам!..

Резко отодвинул стул и пошел от стола к трибуне. С ходу, без подготовки, на память читает этот же отрывок. Читает страстно, до мурашек по коже, как он умеет. Все, кто знал Исаева, согласятся: в такие моменты не важно, перед кем он читает — перед лордами в английском парламенте или перед Президентом России В.В. Путиным в Кремле на церемонии вручения государственной награды. За стол не возвращается. Говорит, говорит, не обращая внимания на робкие попытки председательствующего вернуть встречу в русло утвержденного сценария.

Но тщетно! Пока юбиляр не выговорился, сделать этого так и не удалось.

Не удалось и мне до конца выступить по заявленной теме: Егор Александрович любезно «скушал» лимит моего времени. Когда он читал свои стихи, я тихо стоял в стороне от трибуны, не зная, что делать и как себя вести. А когда он и вовсе перешел к долгим публичным размышлениям на волнующие его вопросы русской литературы и жизни, я скромно спустился по ступеням и занял свое место в зале. На следующий день газета «Воронежский курьер» в небольшой заметке про юбилей Исаева с легкой иронией написала о казусе со срывом официального сюжета мероприятия.

Текст моего выступления на встрече с Е.А. Исаевым по случаю 85-летия поэта, к счастью, сохранился в компьютерных файлах. С удовольствием приведу его здесь.

«Много добрых слов прозвучало о юбиляре. Много прозвучит. О многом говорили мы с ним при встречах. И я думаю: о чем скажу в эти минуты? Не удивляйтесь: буду говорить о сенокосе. Точней, о мотиве сенокоса в творчестве Егора Александровича Исаева, в частности в поэме «Даль памяти». Через тему сенокоса прослеживается глубинная, корневая связь поэта с малой родиной. Она осмыслена автором так, что от строк таких веет не только степью, временем, родиной, но и космосом.

Надо сказать, тема сенокоса в современном отечественном литературоведении изучена слабо. Возможно, это связано с тем, что нынешнее поколение филологов ни разу не держало в руках обыкновенную косу, не представляет самого захватывающего деревенского трудового действия. А потому оно, это поколение, не понимает духовного и нравственного смысла заготовки сена для домашних животных, не видит красоты и символичности в процессе кошения травы на лугу даже в условиях высоко информатизированного общества. В результате современный специалист по литературе никак не мотивирован на научный поиск по этой теме. Однако изучать, анализировать, сравнивать есть что. В поэзии, например, объектами исследования могут являться произведения Алексея Кольцова, Николая Некрасова, Сергея Есенина, Александра Твардовского, Михаила Исаковского и многих других авторов. В прозе — это, конечно же, романы Льва Толстого, Михаила Шолохова, писателей-деревенщиков... В этом ряду достойное место занимает творчество Егора Александровича Исаева. Он — яркий и самобытный продолжатель русской классической традиции.

Вот строки вступления к главе «Посвящение в мужики» в поэме Егора Исаева «Даль памяти»:

И грянул праздник!
Радостную душу
Ты не жалей, а телом пропотеи!

Их было — помнишь? — тридцать девять
Дюжих,
В рубашках белых, ладных лебедей.
Зарю на грудь!
И — звончато и нежно —
Ходи, ходи,
Оглаженная сталь!
Не жаль косы, росы не жаль, конечно,
Да только вот цветов немного жаль.
Жаль красоты!
Эх, кабы не сугробы,
Эх, кабы там ни чичер ледяной,
Эх, кабы кнут пастушеский,
Да чтобы
На все двенадцать месяцев длиной!
Эх, кабы так...
А то ведь как озлится
Сама зима, уж чем ни увещай,
Возьмет свое —
Оставит, чтоб побриться.
А потому-поэтому:
Прощ-щай!
Прощ-щай, цветы,
Прощ-щай, густые травы,
Ложись под ливень с правого плеча!

Разве не слышатся в этих строчках что-то такое родное, до сердечного щемления, что-то буйное, разудало-могучее, с выплеском за горизонт, оттуда, из века девятнадцатого, от чумацких троп, от ночей у прасольского костра, от дерзновенной юноши, Алеши Кольцова, посягнувшего в послушание отцовской воли стать певцом степных просторов?

Это он ведь, Кольцов, вывел русскую народную поэзию за деревенскую околицу и пронес ее до столичных бульваров и перекрестков, к средоточию людской цивилизации. Его поэтический сенокос так же естественно звучал в Петербурге, как и на лугах среди бескрайних воронежских раздолий:

Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришел:
Я пришел сам-друг
С косой острою;
Мне давно гулять
По траве степной
Вдоль и поперек
С ней хотелось...
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса, как пчелиный рой!

Молоньей, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава,
Подкошенная;
Поклонись, цветы,
Головой земле!

Обратите внимание на одну маленькую деталь: певец в силу своей природной гениальности как бы невзначай, но провидчески роняет: «не один пришел» и что «...давно гулять по траве степной... хотелось...» То есть явление Кольцова как поэта, олицетворяющего собой народ, его душу, — закономерное, выстраданное явление, востребованное конкретными историческими обстоятельствами в преддверии отмены крепостного права. И пусть он так и не освободился от поэтической и песенной традиции народа, певец сделал главное: творчески соединил в себе духовную стихию масс и неповторимую авторскую индивидуальность. Грубо говоря, представил нам вариант авторского фольклора. Примерно, как Бернс в шотландской литературе.

На протяжении XIX и XX веков кольцовская поэтическая традиция жила, развивалась и находила своих последователей. Эта традиция подарила России Некрасова, Есенина, Клюева, Твардовского, Исаковского, Тряпкина, Бокова, Исаева. Их поэзия наиболее концентрировано вобрала в себя лучшие духовные начала русского крестьянского самосознания...

Эта традиция не прерывается и по настоящее время, потому как не может не существовать то, что живет в поколениях, в сердце народа, в его генетическом коде, в духовных исканиях и вековых представлениях о справедливом мироустройстве.

В век ошеломляющего роста компьютерных технологий, слома привычных коммуникационных связей между людьми, народами, странами и континентами, в век господства постмодернизма воронежцы вновь и вновь обращают себя к нашим духовным и культурным истокам. Как яркий пример тому — творчество Егора Александровича Исаева.

Возвращаясь к теме сенокоса, перекинем мостик от Алексея Кольцова к еще одному непревзойденному певцу русского простора, Александру Твардовскому.

Хозяин оглянулся виновато
И подмигнул бедово: — Что, как дождь?.. —
И гостя с места на покос сосватал:
— Для развлеченья малость подгребешь...
Мелькали спины, темные от пота,
Метали люди сено на воза,
Гребли, несли, спорилась работа.
В полях темнело, близилась гроза.
Гость подгребал дорожку вслед за возом,
Сам на воз ношу подавал свою
И на вопрос: какого он колхоза?
Покорно отвечал: — Не состою...

Картина сенокоса в стихотворении «Гость», с деталями и диалогами, последовательность изложения действия Твардовскому нужны, чтобы ярче, убедительней подчеркнуть мужицкий спор между колхозником и единоличником о своем будущем: вместе-то спорей, веселей, полезней... И здесь сенокос — уже как аргумент политики, часть идеологии, а не только специфический трудовой процесс в извечном крестьянском укладе. И Твардовский знал это, сознательно использовал этот художественный прием.

Более глубокий смысловой оттенок темы сенокоса в поэме «Дом у дороги».

Здесь сенокос у Твардовского — философия. Естественное вековое, мирное мужицкое единение с природой. Будет сено — будет лад, сытость, покой в семье, радость родным, жене, детишкам. Не состоялся сенокос (война, стихийное бедствие) — голод, нужда, мытарства. И вот на пороге война, и надо невольно прервать эту вековую цепь гармонии, данной человеку природой и Богом. Главный герой Андрей Сивцов оставляет сенокос, уходит защищать семью, родину и свой крестьянский труд.

И рефрен, позаимствованный автором в народных присловиях, от раза к разу звучит не так наивно и невинно, а по ходу сюжета все трагичней и больней: война, плен, кровь... Какая уж тут роса, какая коса!!! Нарушен, варварски прерван привычный ход жизни!

Коси, коса, пока роса,
Роса — долой и мы — домой...

А закончить стихотворные примеры хочу строчками из своей поэмы «Роман без знака препинанья». Егор Александрович читал поэму еще в рукописи, отозвался одобрительно, похвалив автора, будто бы ему удалось правдиво и образно передать тему сенокоса, верней, обучения этому важному деревенскому делу начинающего косца-мальчонку.

От сенокоса к сенокосу
Крылечки свято берегут
Суть философского вопроса:
Зачем мы здесь и кто мы — тут!»

К сожалению, свое выступление я потом, сколько не намеревался, так и не передал поэту, периодически вспоминая про это несостоявшееся выступление и забывая о нем на долгие месяцы.

Иван ЩЁЛОКОВ

* * *

НОЧНОЙ ПЕЙЗАЖ

То ли поле, то ли роща,
То ль в обнимку вечера, —
Дали дальние на ощупь,
Память в завтра из вчера.
Плач ли это или песня?
Темный ветер — шу да ша...
Ночь — сияющая бездна,
Необъятная душа.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ВЕЧНОСТИ

Из распахнутой Вселенной,
От миров без берегов
Веет вечностью, как сеном
От заоблачных стогов,
Веет встречей и разлукой,
Тайной звездного окна...
Протяну сквозь полночь руку.
Бесконечность — вот она.

Когда-то было: ведали, мечтали
 Во власти чувств глубоких, а теперь
 Все это осмеяли, разболтали
 И к тайнам спальни выломали дверь.
 Все напоказ, на вынос... Фонограмма
 Отвергла силу музыки живой...
 Ах, как бездумно думают ногами!
 Ах, как враздрай танцуют головой!

* * *

«Ох ты, ноченька...». Да кто ж там
 Так волнуется в тиши?
 Песня встала с горизонта,
 С очарованной души
 И пошла, пошла босая
 Верхним эхом, как в лесу,
 В небе звездочки касаясь,
 В сердце трогая слезу.
 И какая ж в этом сила,
 И какая ж в этом власть!
 С неба звездочка скатилась,
 На щеке слеза зажглась.

* * *

Не утверждай, что суть, а что не суть,
 И лишний раз не спрашивай у Бога,
 Какой он там, посправедливей путь,
 Какая поприятственней эпоха.
 Что хорошо, а что нехорошо,
 Сама суди, разъятая держава.
 Двадцатый век, он слева подошел,
 А двадцать первый уклонился вправо.

ИДЕЯ

Ушла от них, а надо бы их к черту
 Послать — всех тех, кто клялся по любви
 Служить тебе, а сам в тени расчета
 Свою карьеру строил на крови.
 Ушла в дожди, в осенние рябины
 Своих знамен, из уст ушла в уста
 Все в ту же даль — туда, к неистребимым
 И неподкупным истинам Христа.